

ЭКОНОМ

(Умберто Эко, 1932–2016)

Когда думаешь об Умберто Эко, о его отношении к слову, тексту, знакам культуры, все время приходит на ум одно слово — *хозяин*. Это не значит стяжатель, пассивный потребитель, ни в коем случае не рантье: он был работник. Но не работник-специалист, подчиненный и порабощенный собственным трудом, а свободный труженик, умеющий менять роли и функции, писать то научные труды, то романы, вообще изобретательно использовать подручный материал. В «Имени розы» есть любопытный персонаж — монастырский эконом: он, с одной стороны, монах, человек духовного призвания, а с другой стороны — практик-распорядитель; подобная двойственность отличала и самого автора романа.

Ему было совсем не чуждо чувство собственности: оттого он внимательно опекал переводы своих книг, общаясь со своими многочисленными переводчиками из разных стран (они образуют особый ремесленный цех, где все со всеми знакомо), обсуждая с ними проблемы их работы, а некоторые из таких проблем даже вынося на публичное рассмотрение — например, в книге «Сказать почти то же самое», где теория перевода частично иллюстрируется практикой перевода сочинений самого же теоретика. То же чувство собственности побуждало его постоянно заниматься переделкой своих старых текстов для новых, особенно переводных изданий: некоторые его книги (по крайней мере, научные) бывает нелегко узнать в иностранной версии, потому что автор перетасовывал их главы, заменял одни тексты другими, а оставшиеся в значительной мере переписывал заново. Так обстоит дело с «Отсутствующей структурой», чья французская версия нередко расходится с итальянской, или с «Ролью читателя», которая в итальянском оригинале (впрочем, вышедшем позже английского перевода) не только сильно отлична по объему и составу, но и называется иначе, по-латыни: «Lector in fabula». Книга — подвижный актив, в нее могут инвестироваться то одни, то другие тексты и идеи; и, наоборот, одна и та же идея, одни и те же знания могут пригодиться в разных контекстах — так фундаментальные знания Эко-медиевиста со временем конвертировались в художественный дискурс «Имени розы». Клод Леви-Стросс назвал такой способ интеллектуального хозяйствования «бриколяжем», «самодельщиной», где ничто не пропадает, все идет в дело, а материалы и орудия труда мало различаются: материал можно применить как инструмент, и наоборот. Следы этого «первобытного» мышления уже обнаруживались в литературной критике, приспособляющей текст к контексту; Умберто Эко практиковал его не то чтобы больше других, но более сознательно, а значит, более творчески, чем многие.

© Зенкин С. Н., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-1-178-180

Сознательно — значит с пониманием границ применимости, в данном случае *пределов интерпретации* текста: можно хозяйствовать у себя дома, но не хозяйничать на чужой территории, следует уважать интересы партнеров. «Пределы интерпретации» — название сборника научных статей Эко, где он вводит и отстаивает довольно спорное понятие *intentio operis*, «интенции произведения», отличной как от авторской, так и от читательской интенции. Оно должно было ограничить «постмодернистский» произвол в толковании, связать интерпретацию текста с его объективной структурой, которая, впрочем, сама подвижна, не всегда создана намеренно, по воле автора, и порой кажется буквально «отсутствующей», возникающей и исчезающей в процессе письма и чтения. Так и должно быть: в ходе знаковой коммуникации люди относятся к знакам и структурам как к полезному имуществу. Оно послужило, сделало свое дело — и можно отложить его в сторону или же преобразовать, приспособить для нового применения.

Такова общая установка семиотической — но не структуралистской — теории Эко. В семиотике, как и в социологии, есть реалистическое и номиналистическое направления. Реалисты — например, последователи Соссюра (который создавал свою общую лингвистику под влиянием социологии Дюркгейма) — мыслят знаковые структуры как надличные принудительные институты; а номиналисты, одним из которых был Эко, видят в них мягкую, неокончательно зафиксированную силу. Для него семиотические процессы регулируются не кодом/кодексом (соссюрским «языком», т. е. жесткой системой правил), а «энциклопедией» возможных высказываний: тоже своего рода книга, как и кодекс, но не столь авторитарная, более демократичная. Соответственно и сами знаковые структуры не стабильны, а эмергентны; они не обладают отдельным бытием, но создаются и пересоздаются в процессе семиотических сделок, «транзакций». Этим экономическим термином Эко описывает как общие процессы коммуникации, так и ее конкретные случаи, включая, например, тот же перевод: переводчик в каждый момент своей работы заключает «сделку» с оригиналом, мысленно договаривается с ним или с его автором о возможных трансформациях текста, о потерях и компенсациях, позволяющих «сказать почти то же самое» по-другому.

Изучая художественную литературу, Эко специально выделяет в ней произведения, которые стимулируют работу читателя, заставляют его осознанно «торговаться» об их интерпретации. Согласно названию его ранней книги, такие произведения являются «открытыми», в отличие от «закрытых», однозначных текстов массовой культуры. Некоторые из них устроены еще и особо изоциренным способом, требуя читать себя не один, а два раза, причем второе чтение будет интерпретацией уже не текста как такового, а нашего первого прочтения. Мы сами вовлекаемся в процесс чтения как его промежуточный объект, сами делаемся материалом для критического «бриколажа», сырьем для вторичной (само)переработки.

Как известно, в своем собственном литературном творчестве Эко старался создавать именно открытые структуры, предлагая публике параллельно или последовательно проигрывать разные стратегии чтения — например, читать «Имя

розы» то как детектив, то как культурологическое эссе. Соединительным узлом этой двойной конструкции служит герой детектива — сыщик, идеальная фигура интерпретатора, разгадчика чужих загадок. А сверх того в первом, самом знаменитом (возможно, и самом удачном) романе Эко главный герой, монах-расследователь, средневековый Шерлок Холмс, наделен глубочайшим знанием европейской культуры; он владеет ее сокровищами более по праву, чем ее номинальные хранители — монастырские библиотекари, — а потому служит не только идеальным воплощением читателя, но и одной из фигур *автора*.

Заслуженный успех Умберто Эко — сначала научный, а потом и писательский, который в массовом сознании даже затмил Эко-ученого, — вероятно, объясняется потребностью современной цивилизации в таком мудром и деятельном взгляде на ее собственное наследие и устройство. В ней оказался востребован не созерцатель, не пророк, не энтузиаст и не невротический критик культуры, а именно умный, трудолюбивый и рачительный управитель, досконально знающий свои владения — и старинные традиции, и современные проблемы. Западной демократии, которая ныне переживает (как говорят) свой очередной кризис, понадобился человек, способный заново, если надо и на общедоступном языке, осмыслить само понятие демократии — культуры различий: «Кто избегает любой схематизации, кто видит оттенки и тонкие различия, кто принимает противоречия — тот демократ». Умберто Эко стал именно таким человеком. Видеть, принимать оттенки и противоречия, уметь вдумчиво работать с ними — это и есть (если позволительно перетолковать заголовок книги русского философа) его «философия хозяйства».

Сергей Зенкин

Economio (Umberto Eco, 1932–2016)

Sergey Zenkin

Professor, Russian State University for the Humanities

Address: 6 Miusskaya sq., GSP-3, Moscow, Russian Federation 125993

E-mail: sergezenkine@hotmail.com